

КОНСТАНТИН ВЕРЕСАЕВ

Архивы Особого Приказа.

Дело первое:

Тайна Монетного двора

Охранные печати целы.

На паркете — только платиновая пыль.

Константин Вересаев

Архивы Особого Приказа. Дело первое: Тайна Монетного двора

«Автор»
2026

Вересаев К.

Архивы Особого Приказа. Дело первое: Тайна Монетного двора / К. Вересаев — «Автор», 2026

Ноябрь 1905 года, Санкт-Петербург. Из запертой изнутри рунной лаборатории Петропавловской крепости бесследно исчезает главный алхимик Императорского Монетного двора, а вместе с ним — матрица для чеканки эфирного золота. Официальное следствие в тупике: охранные печати целы, а на паркете осталась лишь горсть раскалённой платиновой пыли. Когда империи грозит финансовый крах, Особый Приказ возвращает к делам отставного военного криминалиста князя Оболенского и его пернатого фамильяра.

© Вересаев К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Платиновая пыль 5
Глава 2. Призрак Порт-Артура 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Константин Вересаев
Архивы Особого Приказа. Дело первое: Тайна Монетного двора

Глава 1. Платиновая пыль

На Литейном лило с четырёх. К восьми вода нашла щель в оконной раме и тонкой струйкой потекла по внутренней стороне стекла. Оболенский подставил под неё пустую коробку из-под табаку и придвинул лампу.

Под косым светом на линзе проступил отпечаток. Кто-то взял её за стекло, пока оправа лежала в мастерской на Волынском. На подушечке пальца у этого человека был старый порез. От него между папиллярными линиями осталась ровная белая просека.

— Вот тебе и мастер первого разряда.

Иннокентий поднял голову из-под крыла. На верхней полке он сидел между томом судебной фотографии и жестянкой с надписью «Не трогать». В жестянке лежало сушёное мясо. Надпись относилась к гостям.

— Он взял с тебя три рубля, — произнёс ворон. — За такие деньги мог бы оставить оба пальца.

Оболенский снял отпечаток на желатиновую пластинку. Мастеру он собирался вернуть её вместе со счётом и посмотреть, что тот зачеркнёт прежде всего. Потом обернул чистую замшу вокруг деревянной палочки и повёл ею от середины стекла к оправе.

В коробку упала капля.

— У тебя крыша течёт, Глеб Сергеевич.

— Это окно.

— Ты ещё и домовладелец, стало быть. По звуку различаешь.

На улице паровое ландо сбросило давление. Зашипело у самого подъезда, и в комнате на миг пропал дробный стук воды по жестяному отливу. Через полминуты дважды дёрнули звонок. Второй звон вышел короче первого, будто человек за дверью уже пожалел, что поторопился.

Глеб отложил замшу. До передней он дошёл в домашних туфлях, ставя правую ногу на всю ступню. Незнакомые люди обыкновенно замечали хромоту на третьем шаге. На лестнице незнакомых людей было слышно ещё до первого.

— Князь Глеб Сергеевич Оболенский? Фельдъегерь Рябинин. Из Особого Приказа. Извольте расписаться на обороте, с часом и минутами.

— Ваши часы идут верно?

Рябинин вынул часы. Цепочка натянулась над мокрой шинелью.

— На две минуты спешат. Велено, чтобы спешили.

Пакет был ещё тёплый от сумки. Толстый синий сургуч лёг поперёк шва, под двуглавым орлом виднелась третья корона, гораздо мельче двух верхних. Этой печатью Приказ скреплял бумаги, которые запрещалось пересылать даже по правительственному проводу.

— Ландо у подъезда для меня?

— Так точно. В крепость. Мне велено ожидать.

— Тогда снимите шинель. На крючок слева. Печь ещё тёплая.

Фельдъегерь провёл большим пальцем по прорези в перчатке и остался у порога. Оболенский предоставил ему стоять. В кабинете он надрезал пакет сбоку, сохранив печать для

расписки, и вытянул сложенную вдвое телеграфную ленту. На ней было семь строк. Четыре занимали должности людей, которым к утру надлежало ничего не знать.

Главный алхимик Императорского Монетного двора Михаил Андреевич Бессонов пропал из рунной лаборатории. Вместе с ним исчезла матрица для чеканки эфирного золота. Помещение заперто изнутри. Охранные печати без повреждений. Коменданту предписывалось допустить Оболенского к осмотру и исполнить его распоряжения. Последняя строка содержала одну фамилию. Перед ней оставили пустое место, где в прежние годы писали чин.

Иннокентий слетел на письменный стол. Когти щёлкнули о латунный ободок чернильницы.

— Они опять забыли, что ты в отставке?

— На этот раз вспомнили. Чин убрали.

— Тогда пусть допишут, что я езжу только по найму.

Глеб раскрыл саквояж. Линзы легли в гнёзда бархатного футляра, туда же отправились термометр, щипцы, стеклянные пластинки в вощёной бумаге и две запаянные трубочки с рунным порошком. На дне лежала короткая складная трость. Он переложил её поверх инструментов. Иннокентий вытянул шею.

— Жестянку.

Оболенский сунул мясо в карман пальто.

— По найму так по найму.

На Литейном колёса гремели по брусчатке. У Троицкого моста Глеб развернул ленту ещё раз. В нижнем поле чернила расплылись лишь у одной группы цифр. Из приёмного аппарата полоска вышла сухой, иначе потекли бы все строки подряд. Значит, до отправки кто-то поставил на бумагу мокрый палец, придержал её именно там. Оболенский разложил ленту на колене и поднёс к оконцу. Под каплей проступило время происшествия. Восемнадцать часов сорок минут. Время отправки стояло ниже. Девятнадцать пятьдесят две.

— Час двенадцать минут, — произнёс он.

— Может, обедали.

— Тогда с утра узнаем меню.

— Убери бумагу. От неё железом тянет.

Глеб убрал ленту. Крепость за рекой показалась ему обитаемой только у земли. Газовые рожки освещали подошвы часовых, низ ворот и полоску кирпича, где дворники отводили воду к канаве. Выше сидел мокрый мрак. На пропускном посту ефрейтор снял со стола журнал и выставил его под навес. Перо соскребло с бумаги верхний слой ещё до того, как фельдъегерь дописал фамилию.

Комендант встретил Оболенского в проходной Монетного двора. На нём был застёгнутый до горла мундир, а на ногах — калоши, в которых он ступал бесшумно. У дверей толпились мальчишки из телеграфной команды. Один держал медную катушку без провода и весь разговор перекладывал её из руки в руку.

— Полковник Лавров. Мы с вами виделись в Никольске, князь.

Глеб вспомнил не лицо, а медный таз под капелью в госпитальном коридоре. Рядом с тазом тогда стоял офицер и требовал принести из канцелярии списки раненых. У офицера не хватало пуговицы на левом рукаве. Теперь на левом рукаве у Лаврова была пуговица чуть светлее остальных.

— Где дежурный, обнаруживший пропажу?

— Здесь. Гордеев, подойдите. Расскажите как мне. Коротко.

Из-за печи вышел старший надзиратель. Он вынул из кармана тетрадь в чёрном коленкоре, но раскрывать не стал. Оболенский заметил на обрезе полоску красной бумаги. Именно там Гордеев приготовился показать запись.

— В восемнадцать сорок господин Бессонов должен был вывести матрицу под сменный караул. Я постучал. Внутри прошёл один удар. Больше ничего.

— В дверь?

— Я в дверь. Удар изнутри был дальше. Будто уронили скамью.

— И вы решили, что человек пропал?

Гордеев посмотрел на полковника. Тот снял калошу и вытряхнул из неё камешек.

— Я решил, что ему дурно. Дёрнул ручку. Заперто. Через четверть часа привели слесаря. В комнате человека не оказалось. Ключ остался по ту сторону, и дверь слесарь открыл проволокой.

— Во сколько сняли печати?

— Ни в сколько. Вот они.

Гордеев повёл Глеба по крытому переходу. Под сапогами тянулись рельсы для вагонеток. Вдоль стены шла стеклянная трубка рунного телеграфа, местами обмотанная бечёвкой. В лабораторном коридоре она кончалась у двух латунных розеток. Над каждой карандашом вывели букву. Под левой на известке темнел жирный полукруг от ладони.

Дверь лаборатории была тяжёлая, дубовая. На косяке, выше уровня ручки, сидели три круглые свинцовые бляшки с оттиском ведомственного клейма. Такие печати обжигали металл по всему контуру, если через проём выносили предмет, внесённый в охранную ведомость. Перенос матрицы полагалось каждый раз разрешать отдельным ключом. Гордеев отстегнул от пояса связку и показал длинный бородчатый ключ с зелёной ниткой.

— При мне с утра. До ночи обязан быть при мне.

Глеб взял линзу. На первой бляшке в углублении осел пух от метёлки, на второй у кромки засох подтёк извести. Третью испещряли царапины. Все они потемнели одинаково, и ни одна не пересекала бортика. Он попросил Гордеева открыть дверь на вершок. Оттиски под стеклом остались серыми.

— Слесарь открывал только замок, — пояснил Лавров. — Матрицу караул всё равно не выпустил бы.

— Если вынести её отсюда через дверь. Кто вошёл после слесаря?

— Я и надзиратель. Осмотрели стол, заглянули под него. Я запретил остальным входить.

— Где стояла матрица?

Лавров показал через щель на низкий постамент в середине комнаты. На камне Глеб различил сухой круг с двумя тёмными пятнами по бокам. С такой вещи одному человеку удобно было снимать мерку. Поднимать её следовало вдвоём.

— Казначейство ждёт пробный оттиск к полудню, — полковник понизил голос. — На этот оттиск уже выписаны обязательства. Утром придут за бумагой, а банк спросит, чем её обеспечили.

Глеб поставил саквояж у стены.

— Сначала фамилия слесаря.

В лаборатории горели два газовых рожка. Один шипел на всю комнату, другой давал столько света, что у стола пришлось раскрыть фонарь. Вдоль стены стояли узкие шкафы с образцами сплавов. Под витринами тянулись бумажные этикетки, выведенные одной рукой. У слова «олово» пропущенную букву приписали сверху с аккуратной скобкой. На рабочем столе лежал раскрытый бутерброд. Ломоть сыра на нём загнулся по краям.

Оболенский обошёл постамент. Два тёмных пятна оказались войлочными подкладками, каждую вдавил в каменную пыль острый угол. От левой подкладки к краю шла тонкая полоска. Глеб уже потянулся за линзой, когда заметил у самого края серый катышек. Он поддел его щипцами. Войлочная нитка вытянулась на полдюйма и оборвалась. Матрицу потащили влево, к печи. На полу между постаментом и печью пыль лежала ровно.

На внутренней грани ключа Глеб нашёл две свежие полосы от проволоки. На засове пыль лежала ровно.

Окно выходило во двор, где у водосточной трубы стоял часовой. На нижней раме лежала одинокая мёртвая муха. Слой пыли под ней продолжался до завёртки, а завёртка была прихвачена двумя старыми мазками краски. Глеб поднял фонарь и посмотрел на верхнюю фрамугу. Сквозь мутное стекло он увидел ржавую сетку и каплю на проволоке. Капля раскачивалась от ветра и всё держалась.

— Никто не выходил, — донеслось от двери.

Глеб повернул фонарь. Гордеев стоял за порогом, прижав тетрадь к животу.

— Кто топил печь?

— Сам Михаил Андреевич. У него был опыт. Ради опыта он всегда всех выгонял.

Возле печи стоял пустой тигель в железном кольце. Внутри на серой корке остались три борозды от щипцов. Снаружи, на уровне колена, чернел потёк, в котором застряло перо от метёлки. Печь давно остыла. Поддувало было закрыто, и на чугуне возле ручки конденсат собрался в бусины.

Иннокентий тяжело перелетел со стола на шкаф. Оттуда он смотрел вниз одним глазом. Глеб заглянул под кольцо. На паркете, в ложбинке между двумя плашками, лежала горсть крупной белёсой пыли. Крупинки почти не отражали фонарь. Зато две, в самой низкой точке, едва заметно краснели снизу.

— Не подходите к тиглю.

Он поставил фонарь на пол и раскрыл деревянную коробочку с пробными реактивами. Щипцами поднял одну крупинку. Под линзой она оказалась плоской, с зазубринами на свободном конце. Под языком спиртовки крупинка посветлела. Кислота, которой он смочил пробное стекло, прошла по её краям, и края остались чистыми. Глеб переложил крупинку на медную пластинку рядом с платиновым эталоном. Теперь две половины одной бесцветной черты отличались лишь величиной.

Лавров заглянул через плечо. Глеб поднял палец, и комендант задержался.

— Платина. Здесь уже часа два никто не топил?

— С вечера, — отозвался Гордеев. — Когда Михаил Андреевич пускает тягу, у нас в проходной стёкла дрожат. В половине шестого перестали.

Оболенский поднёс к ложбинке обрезок папиросной бумаги. На расстоянии пальца бумага пожелтела. Он убрал её прежде, чем занялся угол. Паркет рядом был чуть влажным от мытья. Вода возле самой пыли стояла в стыке и не кипела.

Иннокентий спрыгнул на спинку стула. Он открыл клюв, но первый звук вышел сиплый, почти без голоса. Глеб знал этот звук. Под Порт-Артуром ворон так дышал перед тем, как отказался садиться на японскую телеграфную проволоку, провисшую над промоиной. На одном её конце был обыкновенный столб. Другой уходил в землю без тени.

— Уберите людей, — выговорил Иннокентий.

Глеб посмотрел на Лаврова. Тот взял Гордеева за рукав и отвёл от порога. Из коридора потянуло сырым кирпичом. Лампочка в телеграфной розетке погасла, а через секунду зажглась ровно на прежнюю силу.

— Где? — спросил Глеб.

Ворон ткнул клювом в сторону печи. Крыло у него дрогнуло и распахнулось целиком, зацепив стул.

Оболенский вынул трубочку с рунным порошком и надломил запаянный кончик хлебными щипцами. Из трубочки он вытряхнул на отдельное стекло щепоть серого порошка. Тот достаточно чутко отмечал ход любой цеховой руны, чтобы дознаватель мог восстановить направление работы уже после её окончания. Глеб положил стекло на доску между пылью и печью. При обычном ходе порошок должен был лечь поперечными черточками, как опилки

возле магнита. Сейчас он поднялся над стеклом узкой полосой и исчез на уровне ладони. На другом краю доски упало ровно столько же серой крупы.

— Разрыв, — Иннокентий переступил по спинке. — Его зашили, а у края нитку забыли.

В журнале надзора за цехами Глеб видел однажды чертёж такого разрыва. Изображение было закрыто бумажной накладкой, за печатью надзорного судьи. Допуск выдали на одно чтение. Под чертежом кто-то вписал предупреждение: остывшая половина разрыва имела привычку брать тепло с другой стороны. Что находилось на другой стороне, в деле не описали. Три свидетеля оставили подписи. Для четвёртого имелась только строка с фамилией.

Глеб снял стекло с пола. Рука в месте, где порошок исчезал, ощутила лёгкий холод, будто возле кромки приоткрытой форточки. Он отнял пальцы. Перчатка стала свободнее у среднего сустава. На тёмной коже проступила тонкая рассечённая линия.

— Далеко тянется?

Иннокентий опустился у основания печи. Там проходила нижняя вентиляционная отдушина, такая узкая, что Глеб просунул бы в неё разве два пальца. Решётку привинтили прямо к кладке. Нижний винт выпал давно, верхний ходил в расшатанном гнезде. За решёткой он различил налёт золы и одну короткую блестящую черту.

Ворон подцепил решётку когтем. Металл отогнулся с тихим скрипом. Иннокентий втиснул голову в щель, покопался там клювом и отступил боком. На паркете звякнуло.

— Подай свет.

Глеб подтянул фонарь за скобу. Ворон принёс овальную медную пластинку с ушком. Один край спёкся в толстую каплю, другой сохранил две насечки возле отверстия. Глеб помнил, как нанёс эти насечки ножовочным полотном, чтобы отличить жетон от другого, с той же цифрой роты. Номер почти ушёл под наплыв. Имя уцелело.

Штабс-капитан Пётр Андреевич Сомов.

Год назад под Порт-Артуром Оболенский сам засыпал могилу Сомова. Перед тем как взять лопату, он продел цепочку этого жетона в верхнюю петлю его мундира и застегнул пуговицу над ней.

Глава 2. Призрак Порт-Артура

Глеб поднёс фонарь ближе. На спёкшемся краю жетона висела капля меди. Она застыла остриём вверх.

— Где он лежал?

Иннокентий поставил лапу на отогнутую решётку.

— За первым кирпичом. Ушком наружу. Я сперва думал, там мышь скребётся.

— И как мышь?

— Скребётся до сих пор.

Глеб взял жетон щипцами. В углублении между насечками сохранилась чёрная нитка. Он подцепил её кончиком иглы, и нитка рассыпалась. Цепочку в Порт-Артуре он продел в петлю, а свободный конец закрепил чёрной суровой нитью. Из всей сапёрной роты только Сомов вечно терял цепочки. Он расстёгивал ворот даже под обстрелом, потому что сукно тёрло шею.

В дверном проёме показалась рука Лаврова. Полковник положил ладонь на косяк ниже печатей и постучал ногтем по дереву.

— Могу войти?

Глеб накрыл жетон часовым стеклом.

— Теперь можете. И позовите Гордеева. Пусть принесёт чистый лист и карандаш.

— У нас есть бланки.

— На бланке уже напечатано, что предстоит найти.

Лавров посмотрел на часовое стекло. Глеб успел увидеть, как полковник разжал пальцы на косяке и тут же прижал их обратно. Больше всего его, кажется, заняло ушко. Края имени под стеклом уходили в тень.

— Отойдём на минуту, князь.

— Дайте мне сперва дверь.

Он вынул из саквояжа вторую линзу. Та увеличивала меньше первой, зато под ней помещалась вся замочная скважина. На внутренней накладке, там, где её обычно закрывала головка ключа, виднелись три чёрные точки. Глеб потёр ближайшую сухой ватой. Точка осталась, вата потемнела с обратной стороны.

— Так было до слесаря? — спросил он.

Лавров переступил порог.

— Этого я вам не скажу. Кто разглядывает замочную скважину, когда в комнате может лежать человек?

Глеб вынул ключ. На его бородке царапины от проволоки шли наискось. На накладке три точки сидели точно против внутренних штифтов. Ключ входил в замок со стороны коридора и со стороны комнаты, но штифты здесь жгло только изнутри. Со второй стороны он нашёл под скважиной крупинку засохшей мастики. Мастика цела.

— Придержите дверь.

Глеб вернулся за жетоном. Он взял его через сложенную вчетверо бумагу и приблизил к накладке с внутренней стороны. Ключ, оставленный на подоконнике, коротко звякнул. В железе пошевелился язычок. Жетона Глеб не довёл до двери на добрых полвершка, а язычок уже наполовину ушёл в дерево.

Лавров отпустил ручку.

— Откуда у покойника отмычка?

— Ему выдавали её вместе с пайком. Штабс-капитан второго сапёрного батальона. Переносные затворы на батареях открывали по жетону дежурного офицера. Когда у расчёта оставалось два человека, требовать ещё и ключ было бы роскошью.

Замок щёлкнул снова. Глеб отвёл жетон. На бумаге от него осталось три чёрные точки, и средняя проколола лист насквозь.

— Снаружи эта вещь ничего не сделает. Сапёры так крепили затворы, чтобы противник не мог поднять решётку с подступов. Здесь замок вскрыли из комнаты. После поставили ключ на место и снова заперли. Видите, как долго ходит язычок? Можно успеть повернуть ключ, пока он втянут.

— Кто поставил?

— Тот, у кого в руке был ключ. Хотите знать больше, найдите слесаря.

Лавров высунулся в коридор.

— Гордеев, бумагу оставьте на стуле. Никого до смены не впускать. Смену задержать.

Послышался шорох листа о сиденье. Полковник вернулся и прикрыл дверь. Под ногой у него хрустнула крупинка рунного порошка.

— Насчёт жетона составим отдельный протокол. Под грифом военного ведомства. Я положу его в комендантский сейф и дам вам расписку.

Глеб сложил лист ещё раз, чистой стороной наружу.

— Печать на пакете Приказа видели?

— Видел. Она допускает вас в лабораторию. Второй сапёрный батальон моему ведомству подчинялся до самого расформирования.

— Вот и запишите батальон. Жетон останется у меня.

Полковник вытянул руку. Глеб подвинул фонарь, и между ними легла яркая полоса света. На ней видна была каждая царапина на паркете.

— По спискам Сомов пропал без вести, — Лавров убрал руку за спину. — Я сам видел ведомость.

— На сопках под Артуром списки писали в обозе. Хоронили выше, за каменоломней. Я могу показать, где лежит лопата.

— Не думаю, что она ещё там.

Глеб затянул тесьму на пакете. Лавров посмотрел на узел и отодвинулся от двери.

На чистом листе Гордеева Оболенский написал, где лежала улика, кто её извлёк и в чьём присутствии её изъяли. Указал час. Внизу поставил подпись и передал карандаш полковнику. Тот прочёл лист целиком, перевернул, посмотрел на пустой оборот. Под фамилией Глеба он приписал: «Состояние до извлечения не засвидетельствовано».

Иннокентий заглянул ему через плечо.

— Могу поставить лапу.

Лавров положил карандаш на лист поперёк.

— Вы и так наследили достаточно.

Глеб убрал второй экземпляр записи и пакет с жетоном в разные карманы. За порогом Гордеев держал китель нараспашку. Под ним на жилете виднелись два круглых пятна, словно надзиратель всё это время грел ладони под мышками.

— Что входило в обязанности Бессонова в половине седьмого, кроме передачи матрицы?

— Ничего, ваше сиятельство. Обычно он перед тем телеграфировал домой.

— Назовите адрес.

— На Кирочной. Дом Бранта. Только он туда по четвергам давно не ездил. У прислуги четверг выходной, а супруги у него нет уже восьмой год.

Глеб вынул ленту. Вечер был четверг. Время отправки стояло на ней рядом с отметкой второго приёмного гнезда. Он поднял фонарь к розеткам. Под левой на стене темнело пятно от ладони. Правую обвели мелом и аккуратно стёрли круг снизу.

— С какой розетки он отправлял домашние телеграммы?

Гордеев указал на правую.

— Отсюда. Для завода левая. По правой ему на днях прислали квитанцию. Он её выкинул, а утром велел найти.

Квитанция нашлась в тетради. Гордеев подшил её между двумя листами, куда сводил плату за частные отправления. За доставку до Кирочной станция брала четыре копейки. В квитанции стояло семь, со сбором за повторное вручение. На месте адреса были две буквы и номер поверочного ящика. Таким номером пользовались, когда снимали помещение под негласное наблюдение и обычной почте вход туда закрывали.

— Чей ящик? — Глеб показал номер Лаврову.

Полковник пощупал карман кителя, достал ключ и пошёл к конторе. За дверью отодвинули стул. Через минуту Лавров вернулся с корешком ордера. На нём гриф Особого Приказа лежал поверх старого штампа Сыскного отделения.

— Васильевский. Двенадцатая линия. Дом глухой, на втором дворе. Снимали четыре года назад через переплётчика. Бессонов возил туда образцы, пока не выдали новый сейф.

— Когда выдали?

— В мае.

Глеб посмотрел на квитанцию. Её выдали позавчера. Внизу тем же почерком, каким в лаборатории исправили этикетку олова, кто-то прибавил: «В случае повторения оставить в сенях».

— Я возьму двух людей, — Лавров застегнул верхнюю пуговицу.

— Лучше пошлите одного на Кирочную. Пусть узнает, когда Бессонова там видели. Второго оставьте при двери. Когда вернусь, хочу застать печати в том же виде.

Полковник выпрямился. Глеб вернул ему корешок, а квитанцию вложил в книжку. Иннокентий вышел в коридор пешком. На левом крыле у него торчало перо, слипшееся с печной золой.

За воротами крепости дождь ослаб. Рябинин сидел под навесом, сняв перчатки, и отогревал пальцы о жестяную кружку. Когда Глеб назвал адрес, фельдъегерь поставил кружку на скамью и посмотрел туда, где кучер на ландо протирал стёкла.

— Извозчика вам поймать? Казённое ландо узнают по машине. У неё клапан подвывает.

— Поймайте. И дайте кучеру допить чай.

Они поехали в закрытой пролётке с дырой в кожаном верхе. Ветер гнал воду через дыру на пустой угол сиденья. Иннокентий дважды передвинулся, потом перебрался на плечо Глеба и вцепился в воротник. У моста извозчик натянул вожжи. Лошадь ступала медленно, пробуя копытом каждый шов в настиле. Снизу, из черноты, о сваю мерно ударял обломок доски.

— Ты его и вправду похоронил? — спросил ворон у самого уха.

— Сам.

— Я помню лопату. Не помню, чтобы ты снял с него перчатки.

— Не снимал.

На последней позиции Сомов растапливал над свечкой сургуч, потому что вода попадала в шов его правой перчатки. Три раза капнул на кожу и три раза выругался. Через сутки Глеб держал его за эту же руку, пока двое сапёров подкладывали шинель ему под спину. Сургуч ещё держался на шве. В могиле рука так и осталась в перчатке.

— Почему спросил?

Иннокентий тёр клюв о воротник.

— От жетона пахло гарью. А под гарью — известью. Свежей.

На Васильевском извозчик высадил их за перекрёсток до нужного дома. Против булочной горел один газовый рожок. Под ним Глеб отсчитал мелочь, и извозчик прижал монеты к ладони большим пальцем, чтобы пересчитать у следующего фонаря. Колёса зашуршали в грязной колее. Глеб дождался, пока затихнут.

В первом дворе с крыльца до арки тянулась лужа. Во втором под крышей стояли дрова, а над поленницей нависала деревянная лестница. На третьей ступени поперёк доски остался мокрый след сапога. Вода собралась вдоль наружного края, куда дождь не доставал. Глеб поднялся, держась за стену. На пальцах остался песок из штукатурки.

Дверь квартиры была притворена. На ручке висела тонкая тесёмка с узлом, каким метят заказы в переплётной. Глеб приложил ухо к филёнке. В глубине дома работал водосток. Где-то снизу звякнула крышка кастрюли, и женщина попросила дать ей ещё одну тарелку.

Иннокентий скользнул с плеча на перила.

— Здесь уже были.

— Сколько?

— Один пахнет мокрой шерстью. От второго пахнет так же. Можешь записать обоих под одной фамилией.

Глеб ногтем поддел тесёмку. Под узлом обнаружилась пробка из воска. Прежде воск скреплял конец тесёмки с филёнкой, теперь на дереве остался чистый круг. Тот, кто открыл дверь, повесил тесёмку обратно. Воск он прижал к ручке с той стороны, где с лестницы не видно.

В прихожей Глеб прикрыл за собой дверь. Зажёг фонарь под полой пальто и дал узкую полоску света вдоль пола. На коврике лежали два зонта. Один бросили прямо на ворс, другой тщательно поместили наконечником в жестяное блюдце. Блюдце было сухое. На стене висело пальто Бессонова с длинным пятном мела от плеча до подола.

Дверь в комнату упиралась в выдвинутый ящик комода. Глеб толкнул его носком и услышал, как внутри перекатились деревянные катушки. Скатерть со стола сорвали на пол. Книги из шкафа лежали раскрытыми, большей частью на корешках. Две аккуратно поставили на край стола. У каждой ножом распустили нитки переплёта. Между доской и кожей искали бумагу.

— Сундук открыли ломом, — Иннокентий направился к окну. — А шкатулку попросили вежливо.

Шкатулка стояла на камине. Ключ торчал в замке. Внутри Глеб увидел пять серебряных рублей, две мужские запонки и чёрный волос, свёрнутый в колечко. Он опустил крышку. Человек с ломом оставил деньги и забрался внутрь подушки: на полу у дивана лежал пух с коричневой ниткой от наперника.

На столе под книгой нашёлся конверт из телеграфной конторы. В левом углу Бессонов мелко написал «оставить в сенях». Конверт вскрыли ножом и вывернули. Глеб положил его под фонарь. На внутренней стороне он различил четыре вдавленные черты. Раз, два, три, четвёртая длиннее. Такой же счёт Бессонов вёл на корешке выставленной в шкафу тетради. Тетрадь была прошита красной нитью.

Он снял её с полки. Под обложкой лежали счета за дрова. На четвёртом листе хозяин зачеркнул количество поленьев и поставил рядом другое число. Глеб перелистнул назад. Счета шли по порядку, кроме этого. От предыдущего его отделяло три дня, от следующего — восемь месяцев. В первом счёте за дрова Бессонов велел складывать их у правой стенки. В том, который выдавал себя за четвёртый, написал «правая половина, снизу».

Глеб опустился на колено у печи. Справа от дверцы, под деревянным подпечком, лежала щётка. Позади щётки нашёлся шнурок, завязанный вокруг кованой петли. Он потянул. Из ниши выскользнула дощечка, а на ней — свёрток в промасленной ткани. Между тканью и бумагой лежал отпиленный угол матричной заготовки. В прорезях металла застыла зелёная паста.

Разворачивать свёрток целиком Глеб не стал. На первом листе Бессонов уместил поперечный разрез матрицы и расчёт выработки на одном развороте. В графе для эфирного золота приписал карандашом: «Разница при обратном ходе». Под цифрами стояла дата. Двадцатое ноября прошлого года. В том ноябре Глеб шёл из каменоломни с лопатой на плече и ждал, пока остынет затёкшая под рубаху спина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.